

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ю.И. Семенов*

ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ВОЛЯ**

В статье детально анализируется понятие власти. Различается власть объективных сил над человеческими волями и власть одних волей над другими — волевая власть. Важнейшей формой волевой власти является социальная воля. В статье рассматриваются два изначальных вида социальной воли: табуитет и первобытная мораль. Табу — это негативная норма, представляющая собой запрет особого рода. Он с неизбежностью предполагает существование комплекса, включающего в себя *три* основных компонента: глубокое убеждение людей, принадлежащих к определенному коллективу, что совершение любым его членом определенных действий неизбежно навлечет не только на данного индивида, но и на весь коллектив какую-то страшную опасность, возможно, даже приведет к гибели их всех; чувство ужаса перед неведомой опасностью, которую навлекают известные действия людей на коллектив, и тем самым страха перед этими таящими опасность действиями; собственно запрет, норму. Наличие запрета говорит о том, что ни веры в опасность, навлекаемую данными актами поведения человека, ни чувства ужаса перед ней не было достаточно, чтобы отвратить людей от совершения рискованных действий.

Ключевые слова: власть вообще, власть объективных сил, волевая власть, социальная воля, табуитет, мораль, право.

Yu.I. S e m e n o v. The concept of power and social will

The article analyzes in detail the concept of power. The power of objective forces over human will and the power of some wills over others is differentiated. The most important form of the power of some wills over others is social will. The article discusses the two primary types of social will: the taboo and primitive morality. Taboo is a negative norm, which is a prohibition of a special kind. It inevitably assumes the existence of a complex that includes three main components. The first component is the deep conviction of people belonging to a certain collective that the fulfillment of certain actions by any of its members will inevitably bring not only this individual, but the entire collective, any terrible danger, perhaps even lead to the death of them all. The second component is a sense of horror of

* Семенов Юрий Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии МФТИ, тел: +7(495) 408-57-31; e-mail: semenov-yu2013@yandex.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива»).

the unknown danger that certain actions of people bring to the collective, and thus the fear of these dangerous actions. The third component is the prohibition itself. The presence of the prohibition suggests that neither belief in the danger brought by these acts of human behavior, nor the sense of horror of it was enough to prevent people from committing dangerous acts.

Key words: power in general, power of objective forces, volitional power, social will, taboo, moral right.

Общество не может существовать без власти. Только наличие власти может обеспечить в нем порядок. Власть есть отношение между какой-то определенной объективной силой и волей индивидов, состоящее в том, что данная сила определяет, детерминирует человеческие воли, господствует над ними, а последние соответственно подчиняются ей.

В качестве господствующего фактора могут выступать силы природы. Но власть может быть и чисто общественным явлением. Это наглядно можно видеть на примере того, что принято называть экономическим принуждением. В капиталистическом обществе система рыночных социально-экономических отношений выступает как объективная сила, прямо определяющая воли людей не только в экономической сфере, но в известной степени и за ее пределами.

Но из всех видов власти в обществе наиболее важна для ее понимания такая, когда в качестве господствующей силы выступает тоже воля. В таком случае власть выступает как господство одной воли над другой (или другими), как отношение властной и подвластной или подвластных волей. Когда в литературе об обществе заходит речь о власти, то чаще всего имеется в виду именно такого рода власть: власть какой-то воли, волевая власть.

Власть, представляющая собой отношение властной и подвластной или подвластных волей, предполагает существование нескольких основных моментов.

Первым моментом является властвующая, или властная воля. При этом необходимо уточнить, что когда мы говорим о воле, то речь идет о воле не как психологическом, а как о социальном явлении. Волей в социальном смысле слова обладают не только отдельные люди, но также различные их группы и, наконец, все общество в целом (при условии, что оно не расколото на группы людей с диаметрально противоположными интересами).

Властная воля всегда является чьей-то волей. Всегда существует носитель, обладатель властной воли. Носителем власти может быть отдельный человек, группы людей, все общество в целом. Таким образом, носитель, обладатель властной воли является вторым моментом комплекса явлений, связанных с властью.

Третьим моментом комплекса власти являются подвластная или подвластные воли. Вполне понятно, что подвластная или подвластные воли, как и властная воля, имеют своих носителей. Эти носители подвластной воли представляют собой четвертый основной момент комплекса власти. Следует заметить, что подобно тому, как и властная воля и ее носитель в литературе в одинаковой степени именуются субъектом власти, подвластная и подвластные воли и их носители называются объектом власти.

Пятым основным моментом комплекса является отношение между властной волей (и, соответственно, ее носителем) и подвластными волями (и, естественно, их носителями), состоящее в том, что первая определяет, детерминирует вторые, т.е. собственно сама власть в самом узком смысле слова. И, наконец, шестым основным моментом комплекса воли является определенная сила, определенные средства, при помощи которых властная воля детерминирует подвластные воли, субъект власти навязывает свою волю объекту власти.

Волевая власть существует как в пределах общества в целом, так и в отдельных его ячейках, например, в семье. Но из всех видов волевой власти для общей теории общества и истории важен только один. Он характеризуется несколькими особенностями. Одна из них заключается в том, что в данном случае в основе властной воли лежит объективная общественная сила: объективные потребности, объективные интересы либо общества в целом, либо, если оно классовое, существующих в нем общественных классов. Соответственно носителем такой властной воли является либо общество в целом, либо классы, на которые оно подразделяется. А носителями подвластных волей, соответственно, являются в одном случае все члены общества, взятые по отдельности, в другом — все члены того или иного класса, тоже взятые в отдельности. И такого рода властная воля выражается в нормах поведения, соблюдение которых обязательно для всех носителей подвластных волей. Поэтому такого рода властную волю называют в литературе нормативным сознанием. В последующем изложении для обозначения подобной властной воли используется термин «социальная воля». Главными формами такой социальной воли являются мораль и право.

Мораль была важнейшей формой социальной власти на стадии первобытного коммунизма. Первобытная мораль была единой волей всего общества (и, соответственно, носителем ее — общество в целом, т.е. все его члены вместе взятые), а подвластными — воли отдельных его членов (и, соответственно, их носителями — все члены общества, взятые по отдельности). Она возникла только вместе с готовым человеческим обществом.

Однако первые нормы поведения возникли гораздо раньше. Они зародились вместе с человечеством в период становления человека и общества, т.е. антропосоциогенеза (см.: [Ю.И. Семенов, 1989; Он же, 2002]). Эти первые нормы поведения, возникшие как средства обуздания зоологического индивидуализма, носят название табу. Поэтому эту первоначальную форму социальной воли можно назвать табуитетом.

Пролить свет на генезис первых социальных норм позволяют данные этнографии. Этнологи давно уже выделили из огромного многообразия правил поведения, существовавших в первобытном обществе, нормы особого рода, которые получили название *табу*, и столь же давно заподозрили, что именно в такой форме возникли самые древние из всех существующих человеческих поведенческих норм.

Табу есть норма не позитивная, а негативная. Она не предписывает совершение каких-либо действий. Наоборот, она запрещает определенные действия. Суть табу — в запрете. Термин «табу» прежде всего применяется для обозначения особого рода запретов совершать определенные действия и самих этих запретных действий. Первоначально табу и представляли собой лишь запреты. Не все табу-запреты регулировали отношения людей в обществе, т.е. были нормами поведения. Но именно в табу — нормах поведения, поведенческих табу, особенности табу-запретов проявлялись наиболее отчетливо. Они были исходной, первоначальной формой табу. В дальнейшем речь будет идти только о них.

Если всякое поведенческое табу есть запрет, то не всякая норма поведения, состоящая в запрете тех или иных действий, есть табу. Табу — запрет особого рода. Он с неизбежностью предполагает существование комплекса, включающего в себя *три* основных компонента.

Первый компонент — глубокое убеждение людей, принадлежащих к определенному коллективу, что совершение любым его членом определенных действий неизбежно навлечет не только на данного индивида, но и на весь коллектив какую-то страшную опасность, возможно, даже приведет к гибели их всех. При этом люди не могут сказать ничего определенного ни о природе этой опасности, ни о том, почему и каким образом данные действия влекут ее за собой. Им известно только, что, пока люди воздерживаются от такого рода действий, эта опасность остается скрытой, когда же они их совершают — эта опасность из потенциальной автоматически превращается в реальную и угрожает им гибелью. Вот почему они рассматривают человека, совершающего такого рода действия, одновременно и как находящегося в опасности, и как представляющего опасность для коллектива.

Второй компонент — чувство ужаса перед неведомой опасностью, которую навлекают известные действия людей на коллектив, и страха перед этими тающими угрозами действиями.

Третий компонент — собственно запрет, норма. Наличие запрета говорит о том, что ни веры в опасность, навлекаемую данными актами поведения человека, ни чувства ужаса перед ней не было достаточно, чтобы отвлечь людей от совершения опасных действий. Отсюда следует, что эти действия были чем-то притягательными для людей, что были какие-то достаточно могущественные стимулы, силы, которые толкали человека к совершению этих действий.

И так как эти действия того или иного члена общества были опасны не только для него самого, но и для человеческого коллектива в целом, коллектив должен был принимать меры, чтобы заставить всех своих членов воздерживаться от опасных действий, наказывая тех, кто с этим требованием не считался. *Опасные действия становились запретными.*

Таким образом, табу представляли собой нормы поведения, как бы извне навязанные обществу какой-то посторонней, внешней силой, с которой невозможно было не считаться. На эту особенность табу давно уже обратили внимание некоторые исследователи. Именно такой характер должны были иметь первые нормы поведения, возникшие как средства нейтрализации опасности, которую представлял для формирующегося общества зоологический индивидуализм. При таком подходе становится понятнее природа силы, толкавшей людей к опасным действиям. Этой силой была власть биологических инстинктов.

На основе анализа только этнографических данных многие исследователи пришли к выводу, что табу возникли первоначально как средство подавления животных инстинктов, как средство предотвращения опасности, угрожавшей человеческому коллективу со стороны животного эгоизма. «Наиболее характерной чертой человеческого ума и поведения, — писал, например, Роберт Стивен Брифф (1871–1938), — является дуализм социальных традиций, с одной стороны, и унаследованных естественных инстинктов — с другой, а также постоянный контроль первых над вторыми» [R.S. Briffault, 1927, p. 352–353]. В подавлении и регулировании биологических инстинктов и заключается, по его мнению, сущность морали. Запреты, налагаемые на естественные инстинкты, должны были впервые появиться в очень прямой и категоричной форме. Они должны навязываться человеку как неотвратимая необходимость. Табу и являются этими первыми навязанными человеку как неотвратимая необходимость запретами [ibid., p. 351–365]. Такого же мнения придерживался и Соломон Рейнак (1858–1932). «Табу, — писал он, — это преграда, возведенная против

разрушительных и кровавых стремлений, являющихся наследством человека, полученным от животных» [С. Рейнак, 1919, с. 16].

На определенном этапе развития производственной деятельности огромным препятствием для ее дальнейшего прогресса стал зоологический индивидуализм. С этого времени животный эгоизм выступил как величайшая объективная сила, представлявшая грозную опасность для производящих существ и их объединений. Она отразилась в их головах в форме знания об опасных последствиях определенных действий членов объединения, страха перед ними и злобы против тех, кто их совершал. Одновременно с неизбежностью появилась и объективная потребность в обуздании животного эгоизма. Эта потребность не была биологической. Она была потребностью совершенно иного характера: производственной, экономической, потребностью не индивидов, взятых в отдельности, а их объединения, т.е. социальной. В эпоху антропогенеза действовал отбор формирующихся социоисторических организмов, праобщин. Те праобщины, которые не были способны обуздать животный эгоизм, исчезали, рассыпались, а их члены либо гибли, либо входили в состав более успешных объединений, принося с собой пережитый страх перед последствиями зоологического эгоизма. Рассмотренная экономическая потребность проявлялась в появлении первой формы социальной воли — табуитета.

С завершением антропосоциогенеза животный эгоизм был обуздан, зоологические инстинкты были поставлены под жесткий социальный контроль. Исчезли основания для существования комплекса табу вообще и, тем самым, табуитета в целом. Но объективная необходимость в существовании в обществе власти в форме социальной воли, в бытии в нем норм поведения, не исчезла. В результате на смену табуиту постепенно пришла новая форма социальной воли — мораль, или нравственность.

Специфику морали легче всего понять при сопоставлении ее с правом. Право есть воля господствующего класса, принявшая форму воли государства, зафиксированная в законах и опирающаяся на силу государственного аппарата. Мораль, в отличие от права, не есть воля государства. В идеале она есть воля социоисторического организма, что в полной степени справедливо лишь в отношении общества без классов. Моральные нормы не записаны нигде. Они существуют лишь в общественном мнении. И общественное мнение одновременно является единственной силой, обеспечивающей соблюдение норм морали.

Конечно, моральные нормы можно записать, список затем довести до сведения всех членов общества. Но все это равным счетом не имеет никакого отношения к реальному функционированию мо-

рали. Чтобы понять сущность моральной власти, необходимо хотя бы коротко ознакомиться с целым рядом понятий. Для простоты я буду брать мораль в том ее виде, в котором она может существовать только в обществе без классов, ибо существование последних значительно осложняет дело.

Когда человек появляется на свет, он представляет собой всего лишь биологический организм. Затем он шаг за шагом вступает в человеческую среду. Он совершает различного рода действия, а окружающие его люди определенным образом их оценивают. Нас в данном случае интересуют не все вообще действия человека, а лишь те из них, которые представляют собой его отношения к другим людям и обществу в целом.

Для оценки этих действий в морали существуют два основных понятия: добро и зло. Эти оценки имеют объективную основу. Эта основа — интересы общества, уходящие своими корнями, в конечном счете, к системе социально-экономических отношений. Добро — действия людей, совпадающие с интересами общества, служащие этим интересам. Эти действия одобряются обществом. Зло — действия людей, идущие вразрез с интересами общества, наносящие ему ущерб. Подобного рода действия влекут за собой санкции со стороны общества, осуждаются им. Но санкции за нарушение моральных норм никогда не принимают форму физического насилия. Когда окружающие человека лица осуждают его поступки, то у него возникает чувство вины перед ними и стыда перед ними за свои действия. С завершением формирования этих чувств человеку становится стыдно за осуждаемые обществом действия и тогда, когда о них знает только он один.

У обществ с разными социально-экономическими структурами представления о добре и зле могут не совпадать. Но они всегда существуют и лежат в основе оценки обществом поступков своих членов. Постоянно, повседневно оценивая действия людей как добрые или злые, одобряя одни и осуждая другие, общество тем самым формирует у человека представление не только о том, что делать можно и что делать нельзя, но и том, что делать нужно, что делать должно.

Интересы общества заставляют его предъявлять к человеку определенные требования. И эти требования общества к своему члену не выступают перед последним как что-то совершенно ему чуждое. Ведь интересы общества — одновременно и интересы каждого его члена. Конечно, у каждого человека имеются и собственные его интересы, не являющиеся общественными. Но общественные интересы, если не прямо, то, в конечном счете, являются и интересами индивидов. В силу этого требования общества к человеку выступают перед ним как его *долг* перед обществом.

Объективное совпадение интересов общества с интересами индивида дает основание для превращения требования общества к индивиду в его требования к самому себе. Так возникает *чувство долга*. Человек теперь сам стремится к тому, чего требует от него общество. Он теперь не просто заставляет себя так поступать, он просто не может поступать иначе.

Одновременно с чувством долга формируется *чувство чести*. *Честь* человека состоит в неуклонном следовании требованиям долга. Поступки человека, идущие вразрез с его долгом, пятнают его честь, лишают его чести. Одновременно с чувством чести возникает *чувство человеческого достоинства*. *Достоинство человека* состоит в неуклонном следовании велениям долга и чести. Вместе с понятиями долга, чести и достоинства возникает новая оценка действий человека. Они рассматриваются теперь обществом не только как добрые и злые, но и как честные и бесчестные, как достойные и недостойные настоящего человека. Так человеческие поступки оценивает теперь не только общество, но и сам человек, их совершивший.

Чувства долга, чести и достоинства, вместе взятые, порождают *чувство совести*. Совесть — это внутренний суд человека над самим собой, когда он оценивает свои собственные действия с тех же позиций, с которых их судит общество. Если эти поступки идут вразрез с требованиями общества и велениями долга, человек испытывает угрызения совести, муки совести, которые нередко являются более страшными, чем физические страдания.

Неуклонное следование велениям долга, незапятнанная честь, чистая совесть являются для человека величайшими ценностями. Во имя этих ценностей человек готов на самые страшные лишения, на физические муки, даже на смерть. Система этих ценностей выступает перед человеком как идеал, к которому он стремится. Здесь мы сталкиваемся не просто с нормами поведения, а с мощными стимулами, движущими человеком. И эти стимулы, имеющие корни в структуре общественного организма, являются более могущественными, чем биологические инстинкты.

Чувства долга, чести и совести образуют костяк морального облика человека, ядро человека как общественного существа. С формированием этих чувств общественные отношения, продолжая свое бытие вне человека, начинают одновременно существовать и в нем самом, становятся важнейшими компонентами того, что принято называть его духом, его душой. Формирование этих чувств есть процесс интериоризации (от лат. *internus* — внутренний), или вовнутривления общественных отношений. И эта интериоризация, которая начинается с формирования чувств вины и стыда и завершается становлением чувств долга, чести и совести, является

процессом социализации, очеловечивания человека. В результате этого процесса появившийся на свет индивид вида *Homo sapiens* становится человеком, т.е. общественным существом. Животное есть только биологический организм, есть лишь тело. Человек есть единство духа и тела. И дух — явление исключительно социальное — в норме управляет телом.

В конечном счете то, каким становится человек, определяет социально-экономическая структура общества. Однако формирует человека не экономика общества непосредственно, а детерминируемая экономикой общественная воля, прежде всего мораль. Но в формировании человека участвует не только мораль, но и вся духовная культура общества в целом.

Совость есть стержень человека. Она не только не в меньшей, но, наоборот, еще в большей степени является признаком человека, чем наличие у него разума, мышления. Человек, лишенный разума, не человек, это — человекоподобное животное. Человек, не имеющий совести, тоже человеком не является, даже если он сохранил разум. Он в таком случае — пусть рационально мыслящее, но животное. Он тогда — рационально мыслящий и поэтому особенно опасный зверь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий. М., 1919. Вып.1.
Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.
Семенов Ю.И. Как возникло человечество. 2-е изд. с новым предисл. и прилож. М., 2002;
Biffault R. The Mothers. L., 1927. Vol. 2.